

Красавец спал беспокойно. Ханьский император, разгорячённый вином, был охвачен желанием. Его пальцы расстёгивали пояс, и, увидев нежное, подобное нефриту тело с сильно округлившимся животом, он испытал странную смесь брезгливости и любопытства. Губы мужчины приблизились к его соску, язык коснулся розоватого кончика. Сосок отзывчиво затвердел. Император, видя, что брат всё ещё глубоко спит, вдруг смущённо покраснел. Ему вспомнилась юность, когда он тоже часто, пользуясь его сном, украдкой ласкал его...

Воспоминания о пёстром и страстном прошлом в стенах ханьского дворца разожгли в нём жар. Он вспомнил их первый раз в библиотеке, где они тайно прильнули друг к другу. На полу лежали эротические картины мужской любви, брат, обнажившись ниже пояса, сидел у него на бёдрах. Их ноги переплелись, за окном шумел дождь, а они, глядя на разложенные свитки, краснели до корней волос.

К брату его всегда влекло сильнее, чем отталкивало, любил он его больше, чем мог отказаться. За эти три года он пытался забыть его, но не смог. Услышав от Иэрданя, что беглого красавца поймут, сломают ноги и прикуют, его тело, долгое время пребывавшее в оцепенении, вдруг пронзила боль, словно оно готово было разорваться. Ночью он просыпался от кошмаров, в которых видел брата, свою любимую наложницу, свою мать — всех изрыгающих чёрную кровь и умирающих с открытыми глазами.

Император чувствовал себя величайшим грешником под небом. Он обманул брата и изо дня в день терзался муками. Он больше не мог лгать. Он должен был исполнить обещание, хотя бы вернув его мёртвое тело. Так и начался этот поспешный, необдуманный поиск. Лишь ступив на ту степь, которую он так ненавидел, он мог обрести покой для своей души на оставшуюся жизнь.

Глядя на спящего красавца, император нежно поцеловал его, сладко поцеловал. Он сделал это — он не был трусом, он вернул брата, и его грехи должны быть прощены. Мужчина ласково целовал его сосок, его щёки, а ладонь медленно скользнула между его ног. Там всё было так же нежно, от одного прикосновения появлялась влага. Император помнил наставления лекаря — нельзя сходитьсь, — но не мог удержаться. Он приблизил лицо к его лобку, взгляделся в тот цветок, что стал ещё алее и пышнее прежнего, слегка нахмурился и всё же не удержался, чтобы не провести по нему языком. Именно с этого началось его падение — в дремотный полдень в ханьском дворце, в глубокую ночь в опочивальне, он, краснея, раздвигал его ноги и ласкал.

Император вылизывал его, сам весь пылая. Это волнение радовало его даже больше, чем брачная ночь. Тихо, тайно, словно он вновь обрёл ту простую радость юных лет. Красавец, убаюканный его ласками, тихо застонал, и император, окрылённый, глубже проник языком в его тепло, играя, как ребёнок, в прятки. Красавец слегка заворочался, и император принялся нежно покусывать его сокровенное место, с любовью оставляя на нежной коже алые следы. Проснётся ли он с тем же смущением, что и в юности, и растерянно посмотрит на него, говоря:

— Брат... у меня там чешется...

Он будет смотреть на него невинно, под предлогом осмотра стащит с него штаны и, бесстыдно приблизившись, скажет:

— Где чешется? Дай посмотреть.

Это была их общая тайна, тайна поры первой влюблённости. Ему доставляло удовольствие видеть, как брат крутится вокруг него из-за какого-нибудь цветка или листка. Брат мог

заревновать, если он пользовался платком хорошенькой служанки, и дуться, не желая с ним разговаривать. Он не разоблачал эту двусмысленность, а на следующий день вновь приходил к нему, задабривал парой сладостей и с удовлетворением наблюдал, как тот, прислушиваясь к намеренно прочитанным любовным стихам, краснеет и прижимается к его плечу.

Той юношеской привязанности, той самой первой, исконной трепетности он не находил больше ни в ком из своих красавиц. Она, вместе с браком брата, принесённым в жертву миру, навеки врезалась в его плоть и кровь. Император глядел на своего жалкого брата, с нежностью гладил его меж ног и, прежде чем тот очнулся, заставил тот маленький цветок источить влагу, который под его взглядом пышно расцвёл.

Красавец во сне пережил прилив наслаждения, сладко извиваясь и прикусывая губу. Его жаждающая, уже полгода не знавшая мужского члена щёлочка нестерпимо зудела. Император, весь красный, наблюдал, как тот во сне запускает тонкие пальцы себе между ног, тихо постанывая:

— Великий князь... М-м... Помедленнее...

Император остолбенел.

Иэрдань уже больше десяти дней стоял под городскими воротами, осыпая защитников бранью, и ханьский император приказал отвечать тем же. Обе стороны копили злобу: один не решался штурмовать, другой отчаянно оборонялся, и лишь ежедневная перебранка служила отдушиной. Руки Улэйжо, после того как его вешали на них, оказались искалечены, тогда его принялись вешать за ноги. Его мучили до такой степени, что он уже был на пороге смерти, но в самый критический момент лекарь вновь возвращал ему дыхание.

Красавец каждый день умолял императора пощадить Улэйжо, раз за разом становясь на колени, несмотря на свой живот. Император, выведенный из себя его мольбами, в конце концов приказал запереть его и не допускать к себе.

Из ханьского дворца пришло донесение: госпожа Жунхуа родила близнецов, императору надлежало срочно вернуться. Император два дня избегал красавца, в одиночестве сидел на крыше, пил вино и смотрел на луну. Он не смел сказать красавцу, что у него родился наследник, не смел признаться, что взял в жёны императрицу, что у него есть целый гарем. Даже если многое было совершено по принуждению, фактически он предал брата, предал их юношескую любовь.

По вечерам император сидел на крыше, продуваемый холодным ветром, доставал нефритовую флейту, что всегда носил с собой, и начинал играть. Звуки флейты были протяжными, печальными. Бывало, его музыка была весёлой, радостной, дышала невинностью и романтикой того, кто не ведаёт мирских забот. В его глазах отражалась чистота цветов груши и сияние звёзд, но все эти романтические порывы были поглощены строгими стенами дворца. Внешне он оставался прекраснейшим из мужей, но внутри уже истлел, превратившись в того, кого так страшился, — в таких, какова была его мать при жизни.

Император сидел на крыше и играл на флейте, а Иэрдань, расположившись в чистом поле, пил и не переставал сквернословить. Улэйжо провисел ещё один день, на его теле не осталось живого места. Лекарь сказал, что больше вешать нельзя, иначе он отправится к праотцам. Стражи ответили, что так нельзя, государь приказал сохранить ему жизнь, чтобы досадить тому сукиному сыну Иэрданю.

Лекарь развёл руками: мол, тогда я бессилен, сделайте что хотите, моё искусство не способно

вырывать людей из когтей Яньло. Стражи тоже ломали голову и, наконец, придумали, как им казалось, гениальный план: подменить одну собаку другой. Они нашли смертника, довольно похожего на Улэйжо, избили его до неузнаваемости, заткнули рот и продолжили вешать.

Красавец сидел на коленях в тёплой комнате с жаровней, лицом к северу, молясь о своём ребёнке и об Улэйжо. В руках он сжимал чётки из сандалового дерева и старательно читал сутры. Раз его императорский брат оказался ненадёжной опорой, оставалось лишь обманывать себя, взывая к богам и буддам.

Во время молитвы он почувствовал несколько толчков в животе — это двигался его семимесячный ребёнок. Красавец с грустью погладил живот, вспомнив, как шаньюй перед смертью ласково сказал ему:

— Суриле.

Суриле — «храбрый». Яркий лунный свет озарил его лицо, белое, как жемчуг, и, глядя на луну, он внезапно ощутил в себе необъяснимую отвагу.

Он разыскал своего лекаря и стал расспрашивать об Улэйжо. Того перенесли в покои лекаря и поддерживали в нём жизнь с помощью женьшеня и иглоукалывания. Казалось, этот принц уже не выживет — если пытки продолжатся, он вскоре испустит дух. Лекарь, видя перед собой знатную особу на сносях, безоружную, с одними чётками в руках, не усмотрел в нём угрозы и спокойно позволил войти.

<http://bllate.org/book/16253/1462011>